Е. В. Падучева

ДИНАМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИКИ

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

Е.В.Падучева

ДИНАМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИКИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.031
П 16

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16099

Падучева Е. В.

П 16 Динамические модели в семантике лексики. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 608 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-161-6

Языковое поведение слова (сочетаемость, состав грамматических форм и их значение, фразовое ударение и т. д.) определяется его значением, а значение изменчиво, подвижно. Описываются продуктивные модели семантической деривации, т. е. модели преобразования лексических значений. Выявляются смысловые компоненты и параметры лексического значения, которые объединяют слова в крупные и мелкие классы и лежат в основе лексической системы языка. Показано, что семантическая деривация в первую очередь затрагивает именно эти компоненты и параметры.

Книга рассчитана на лингвистов, специалистов по компьютерной лексикографии, студентов и преподавателей русского языка.

ББК 81.031

На переплете: Дама с Единорогом. Музей Клюни, Париж

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-161-6

© Е. В. Падучева, 2004

Оглавление

Сокращения и условные обозначения 11
Предисловие 13

Часть I
Параметры лексического значения

Вступление. О системном подходе к семантике лексики 25

Глава 1. Таксономическая категория глагола 30
§ 1. От классов глаголов по Вендлеру к таксономическим категориям 30
§ 2. Таксономическая категория как параметр лексического значения 31
§ 3. К формальному представлению значения слова. Семантическая декомпозиция Т-категории 34
3.1. Компоненты толкования как значения признаков 35
3.2. Разновидности действий, их признаки и форматы толкования 36
3.3. Категории глаголов действия (совершенный вид) 39
§ 4. Способ действия 41

Глава 2. Тематический класс как формальный аналог семантического поля 42
§ 1. Тематические классы и тематические компоненты 42
§ 2. Строевые компоненты 45
§ 3. Компонент «контакт» 48

Глава 3. Диатеза 51
§ 1. У истоков понятия диатезы 51
§ 2. Ситуация и ее участники 52
2.1. Участник и роль. Участник и синтаксический актант . . . 52
2.2. Семантическое обоснование ролей 55
2.3. Инкорпорированные участники 57
2.4. Коммуникативный ранг участника 58
§ 3. Обязательные и необязательные участники 60
§ 4. Проблема пропадающих актантов 60
§ 5. Диатетический сдвиг 62
§ 6. Расширение сферы применения понятия диатезы 66
6.1. Прямая и косвенная диатеза 66
6.2. Диатеза с Наблюдателем 67

6.3. Расщепление генитивной группы; диатезы с внешним Посессором . . . 67
6.4. Сдвоенные роли . . . 71
Приложение. Актанты и сирконстанты . . . 72

Глава 4. Таксономический класс и другие характеристики участника . . 80
§ 1. Таксономический класс . . . 80
§ 2. Онтологическая метафора и ее роль в семантике лексикона . . . 89
§ 3. Таксономический класс и семантическая роль: пример соотношения . . . 91

Глава 5. Акцентный статус компонента как фактор лексического значения 93
§ 1. Рематическое выделение . . . 93
§ 2. Тематическое выделение. Коммуникативный ранг участника и компонента . . . 95
§ 3. Актуализация компонента: смещение фокуса внимания с компонента на компонент . . . 98
§ 4. Импликатура и инференция . . . 101
4.1. Механизм возникновения импликатур . . . 101
4.2. Типы импликатур . . . 107
§ 5. Влияние акцентного статуса компонента на сочетаемость . . . 110

Глава 6. Принцип композиционности и правила соединения значения частей в значение целого . . . 113
§ 1. Правила композиции смыслов . . . 113
§ 2. Примеры . . . 119
§ 3. Атрибутивный статус компонента в толковании и статус атрибута ремы в синтаксисе . . . 123
§ 4. Акцентные сдвиги и реструктуризация толкования . . . 128

Экскурс 1. Семантика вины и смещение акцентов в толковании лексемы 130
§ 1. Базовые и инцидентные компоненты толкования . . . 130
§ 2. Состав участников ситуации вины . . . 132
§ 3. *Вина* как плохой поступок . . . 135
§ 4. *Вина* как состояние . . . 140
§ 5. Просодические свойства слов *вина* и *виноват* . . . 142

Часть II
Многозначность и семантическая деривация

Глава 1. Семантическая деривация . . . 147
§ 1. Регулярная многозначность. Проблема сохранения единства слова 147
§ 2. Параметры и компоненты . . . 150
§ 3. Едины ли модели деривации в разных языках . . . 153

Глава 2. Метонимия и метафора как основные механизмы семантической деривации . . . 155

§ 1. Языковая концептуализация реальности. Семантическая структура как концепт 155
§ 2. Механизмы семантической деривации: метонимия и метафора . 157
§ 3. К типологии метонимических переносов 160
§ 4. Примеры метонимических переносов 162
§ 5. Роль метонимии в поэтике Пастернака 168
§ 6. Метафора: к проблеме языковой категоризации действительности 169
§ 7. Метафоры, по которым мы живем 172

Часть III

Тематические классы глаголов: Исходное значение и семантические дериваты

Глава 1. Фазовые глаголы и семантика начинательности 179
§ 1. Понятие фазового глагола 179
§ 2. Собственно фазовые и просто фазовые глаголы 181
§ 3. Совершенный вид и начинательный способ действия 193

Глава 2. Глаголы восприятия. Опыт выявления структуры тематического класса 197
§ 1. Глаголы восприятия как тематический класс 197
§ 2. Таксономические категории глаголов восприятия 202
2.1. Категориально-диатетическая парадигма 202
2.2. Таксономическая категория 204
§ 3. Диатезы 208
3.1. Диатезы с Экспериентом 209
3.2. Диатезы с Наблюдателем 210
3.3. Глаголы с “врожденным” Наблюдателем 213
§ 4. Тематические подклассы глаголов восприятия 214
§ 5. Некоторые глаголы восприятия крупным планом 217
5.1. *увидеть* и *заметить* 217
5.2. *видеть* и *смотреть*: компонент «фиктивное движение» . . 231
5.3. *выглядеть* и *казаться* 236
5.4. *появиться* и *показаться* 237
5.5. Глагол *обнаружить* 243
§ 6. О сирконстантах глагола *видеть* 251
Приложение. Глаголы восприятия 253

Глава 3. К семантике глаголов знания. Фактивность 256
§ 1. Понятие пресуппозиции в логике и в лингвистике 256
§ 2. Фактивные и нефактивные предикаты 259
§ 3. Глаголы, подчиняющие косвенный вопрос 262
§ 4. Примеры 265
§ 5. Фактивность и знание 266
§ 6. Глаголы воздействия на ментальное состояние 269

Глава 4. Семантическая парадигма глагола эмоции 273
§ 1. Глаголы эмоции как тематический класс 273
§ 2. Таксономическая категория глагола эмоции 275
§ 3. Роли и диатезы 278
§ 4. Производные тематические классы 284
§ 5. Семантическая парадигма глагола эмоции 286
§ 6. Некоторые итоги 303

Глава 5. Глаголы принятия решения 307
§ 1. Волитивная составляющая в семантике глаголов принятия решения 307
§ 2. Прямая и косвенная диатеза в парадигме значений глагола *решить* 311
§ 3. О семантике выбора: *выбрать* и *предпочесть* 318
3.1. Ментально-волитивное значение *выбрать* 319
3.2. Прочие значения *выбрать*; проблема инварианта 327
3.3. Контекст снятой утвердительности и другие общие факторы 328
§ 4. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола *назначить* 330
4.1. Прямые диатезы 331
4.2. Косвенные диатезы 335
4.3. Обсуждение результатов 336
§ 5. Глаголы *рисковать — рискнуть* и проблема системности лексики 337
5.1. Глагол *рисковать* как яркая индивидуальность 337
5.2. О тематическом классе глаголов *рисковать — рискнуть* . . 340
5.3. Лексические значения глаголов *рисковать — рискнуть* . . . 342
5.4. Разбор примеров 353

Глава 6. Речевые действия 355
§ 1. К определению речевого действия 355
§ 2. Перформативы и квазиперформативы 357
§ 3. Глаголы речевого действия и теория речевых актов 359
§ 4. О структуре толкования глагола речевого действия. Примеры толкований 360
§ 5. Регулярная многозначность 370

Глава 7. Движение 373
§ 1. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения . . . 373
1.1. Английское *come* в сопоставлении с русскими *идти* и *прийти* 373
1.2. Непроизводные и приставочные глаголы движения. Наблюдатель 377
1.3. Непроизводные глаголы движения 377
1.4. Приставочные глаголы движения 379
§ 2. Стативные дериваты глаголов движения 384
§ 3. Движение времени 391
3.1. Модели времени 392
3.2. Статическое время и семантика глагола *следовать* 396
3.3. Пример из древнерусского 399

Глава 8. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука 401
§ 1. Структура парадигмы 401
§ 2. Дефектные парадигмы 408
§ 3. Семантическая деривация 411
3.1. Изменение тематического класса глагола 411
3.2. Изменение таксономической категории глагола 413
3.3. Диатетические сдвиги 414
3.4. Изменение таксономического класса участника 416
§ 4. Метафорические и метонимические переносы; вовлечение в ситуацию несобственных участников 417
§ 5. О глаголе *звучать* 419

Глава 9. Бытийные глаголы и генитивный субъект 425
§ 1. Существование и местонахождение 425
§ 2. Глагол *быть* и его синонимы: *находиться*, *присутствовать*, *иметься*, *существовать* 427
2.1. *находиться*; *быть* в значении ‘находиться’ 428
2.2. *присутствовать*; *быть* в значении ‘присутствовать’ . . . 431
2.3. *иметься*; *быть* в значении наличия 433
2.4. *существовать*; *быть* в значении ‘существовать’ 437
§ 3. К семантике бытийного глагола: родительный субъекта в отрицательном предложении 440
3.1. Генитивная конструкция: синтаксис или семантика? 440
3.2. Семантика генитивной конструкции 443
3.3. Две группы генитивных глаголов: экзистенциальная и перцептивная 444
3.4. Кажущиеся контрпримеры 450
3.5. Контексты, препятствующие употреблению ГК при генитивном глаголе 452
3.6. Форсированные употребления генитивной конструкции . . 454
§ 4. Генитивный субъект глагола *быть* 458
Постскриптум 465
Приложение. Генитивные глаголы 469

Часть IV
Лексическое значение и грамматика

Глава 1. Семантические источники моментальности русского глагола . 475
§ 1. Что такое моментальный глагол? 475
§ 2. Таксономические категории моментальных глаголов 477
§ 3. Тематические классы моментальных глаголов 480
§ 4. Онтологические категории глаголов НСВ, парных к моментальным 483

Глава 2. Глаголы с участником Результат и их аспектуальные свойства . 486
§ 1. Участник Результат и его коммуникативные ранги 486

§ 2. Участник Результат и актуальное значение глагола несовершенного вида . . . 489
2.1. Глаголы выбора . . . 489
2.2. Фазовые глаголы . . . 490
2.3. Глаголы ментального воздействия . . . 490
2.4. Глаголы создания интеллектуального объекта . . . 491
§ 3. Глаголы создания материального объекта . . . 492
§ 4. Заключение . . . 493

Глава 3. Вид и время причастий на *н/т* . . . 495
§ 1. Вид . . . 495
1.1. Форма со связкой . . . 496
1.2. Форма без связки . . . 497
§ 2. Время . . . 501
§ 3. Обсуждение результатов . . . 502

Глава 4. Семантика совершенного вида и начинательность . . . 504

Экскурс 2. ДАВНО и ДОЛГО: к вопросу о статальном компоненте в семантике совершенного вида . . . 515
§ 1. Дейктичность *давно* . . . 515
§ 2. Два значения или одно? . . . 518
§ 3. Коммуникативная структура . . . 523

Заключение . . . 525

Библиография . . . 539

Список сокращений при указании источников примеров . . . 570

Предметный указатель . . . 571
Приложение 1. Тематические классы и тематические компоненты . . . 585
Приложение 2. Семантические роли . . . 587
Приложение 3. Таксономические классы имен . . . 588
Именной указатель . . . 590
Лексический указатель . . . 594

Сокращения и условные обозначения

акт.	актуальное (= актуально-длительное) значение несов. вида
БД	база данных
буд.	будущее время
вин.	винительный падеж
ГГ	генитивная группа
ГК	генитивная конструкция
д	производная диатеза
дат.	дательный падеж
З/кдр	За кадром (коммуникативный ранг)
ИГ	именная группа
инф.	инфинитив
КВ	косвенный вопрос
компл.	комплемент, т. е. придаточное дополнительное
МР	момент речи
МН	момент наблюдения
мн. ч.	множественное число
наст.	настоящее время
НСВ, несов. вид	несовершенный вид
Об	объект
ПГ	предложная группа
Периф	Периферия (коммуникативный ранг)
перф.	перфектное значение; перфектное состояние
прош.	прошедшее время
ППГ	предложно-падежная группа
Сб	субъект
СВ, сов. вид	совершенный вид
СД	сфера действия
СС	Субъект сознания
СФ	семантическая формула
сущ.	существительное
Т-категория	таксономическая категория
Т-класс	таксономический класс
твор.	творительный падеж
ТО	точка отсчета
трив.	тривиальное значение несов. вида (многократное)
d (от англ. *direct*)	прямая диатеза
i (от англ. *indirect*)	косвенная диатеза

$\Rightarrow$	семантическая деривация
$\Leftarrow$	происходит из
$\rightarrow$	знак замены (в частности, метафорического и метонимического переноса)
$\supset$	семантическое следование; $x \supset$ ‘y’ означает, что в значение выражения *x* входит компонент ‘y’
$<$	предшествование (например, $t_1 < t_2$ означает, что момент t_1 предшествует моменту t_2)
$\neg$	отрицание
&	конъюнкция
V	дизъюнкция
$\equiv$	эквивалентность
$\varnothing$	нулевая форма, нулевой знак, в т. ч. — анафорический нуль
i, j	референциальные индексы, в т. ч. — в контексте $\varnothing_i$
T, R	индексы Темы и Ремы; например: $[\textit{Курица}]_T[\textit{не птица}]_R$
#	знак формулы; например, (12#) — формула предложения (12)
*	некорректное сочетание или форма
°	невозможность понимания формы в обсуждаемом значении
?	сомнительно
??	очень сомнительно
$\smile$	знак интонационной транскрипции: безударность
/	повышение тона
\	понижение тона
–	понижение тона без выделения (Кодзасов, Кривнова 2001: 394)
|	граница между Темой и Ремой
$\surd$	знак отсутствия у глагола формы противоположного вида (видовой пары)

Предисловие

В свое время трансформационная грамматика ввела в обиход порождающие, т. е. динамические, объяснительные модели в синтаксисе. Много интересного обещает сейчас аналогичный — динамический — подход к семантике лексики: подход, при котором значения слова связываются друг с другом за счет того, что одни значения рассматриваются как производные от других. Трансформации в синтаксисе никогда не были синонимическими. Имеет смысл не замалчивать, а эффективно использовать это свойство трансформаций, обратившись к преобразованиям, фиксирующим изменение смысла слова, — они получили название *семантических деривацій*, в противоположность лексическим деривациям, которыми занимается словообразование.

В теоретической лингвистике начиная с конца 50-х годов, ознаменованных хомскианской революцией, господствовала установка на *порождение* (предложения из слов, слова из морфем и т. д.). В 80–90-е годы возобладала, отчасти подспудная, т. е. не вполне эксплицированная, новая парадигма: в центре внимания оказалась интерпретация — *понимание*. Эта парадигма обладает важным преимуществом: она не требует гипотезы о том, что лингвист может приписать любому предложению данного языка теоретически обоснованную синтаксическую структуру. Синтаксиса, который давал бы такую возможность, до сих пор ни для одного языка нет, и светлое будущее "автономного синтаксиса" просматривается с трудом. Переход от порождения к интерпретации вводит в законные теоретические рамки работу с отдельными словами и конструкциями, а задачи, ориентированные на глобальную синтаксическую структуру, можно отложить на потом.

Механизм порождения текста говорящими остается во многом загадкой. Между тем процедура интерпретации вполне поддается изучению — хотя бы методом самонаблюдения: каждый из нас постоянно оказывается в ситуации, когда он должен привести аргументацию в пользу своего понимания текста (как на родном, так и на не родном языке), и тот, кто владеет более основательными знаниями языка, знаниями о мире, коммуникативными навыками, риторической компетенцией и проч., имеет бóльшие шансы на успех. Преобразования смысла — дело обычное. Между тем механизм изначального порождения смысла — всегда вместе с формой — пока во мраке, и ссылки на врожденность языковой способности не обогащают наши представления о том, в чем эта способность состоит.

Развитие семантики направило усилия лингвистов на поиски семантических объяснений языкового поведения языковых единиц. Это новое направление очевидным образом связано с успехами *лексической* семантики. Стало ясно, что языковое поведение слова (сочетаемость, неполнота грамматических парадигм и проч.) в существенной степени предопределено его значением; то, что, скажем, у слова *тереть* его несов. вид может иметь значе-

ние актуально развертывающегося процесса / деятельности, а у *терять* — нет, объясняется различной лексической семантикой этих слов.

Однако слова, как правило, многозначны; т. е. значений у слова много, и каждое значение предопределяет свои возможности языкового поведения. Еще Ю. С. Маслов, который вывел проблему славянского вида в лексическую плоскость, отметил также, что актуальное значение несов. вида невозможно, например, для *Он приходит в дом*, но нисколько не запрещено для *Он приходит в себя*, и это имеет семантическое объяснение.

Многозначность — в природе языка, по крайней мере р е г у л я р н а я многозначность (Апресян 1974), т. е. полисемия. Между тем предшествующая эпоха в лингвистической семантике была посвящена синонимии и без уважения относилась к многозначности. Словарь омонимов русского языка (М., 1986) казался причудой О. С. Ахмановой и не вызвал интереса. Только сейчас лингвистическая семантика, взращенная на синонимии, может считать себя подготовленной к встрече с многозначностью. Можно даже сказать иначе: лингвистика у в и д е л а многозначность как проблему тогда, когда представились возможности ее решения.

В традиционных толковых словарях значения слова описываются независимо одно от другого — как если бы они совершенно случайно оказались имеющими общую звуковую оболочку. В Мельчук 1998: 346 сл. вообще отрицается слово как лингвистически полезная сущность; есть только лексема — слово, взятое в одном его значении, — и вокабула, та самая общая оболочка. Но для говорящих слово — несомненная реальность, и этот факт нельзя игнорировать. Настоящая книга развивает подход к семантическому описанию лексики, при котором сохранено деление слова на лексемы-значения, но преодолены сопутствующие ему отрицательные последствия: предлагаемый выход — в установлении р е г у л я р н ы х с е м а н т и ч е с к и х с в я з е й между разными значениями слова.

Путь к восстановлению единства слова мы видим в описании общих моделей (семантических дериваций), которые преобразуют одно значение в другое. Весь набор значений полисемичного слова предстает при этом как иерархическая система, в которой значения связаны друг с другом. Но этого мало: иерархия становится деревом деривационных связей; значения выводятся одно из другого (и в конечном счете возводятся к общему корню) последовательностью применений тех или иных моделей деривации. Моделей деривации много, но все-таки не бесконечно много. И главное — они воспроизводимы: применимы ко многим разным словам, иногда к сотням и тысячам слов.

Следует оговорить, что семантическая деривация — это, в существенной степени, п р и е м описания многозначности. Не предполагается, что все семантические переходы, о которых идет речь, когда-либо реально происходили — в таком же смысле, как, скажем, переход О носового в У в истории русского языка. Скорее, имеется в виду синхронное соотношение, т. е. м о т и в и р о в а н н о с т ь одного значения другим — что, впрочем, часто верно и для обычной лексической деривации, словообразования (см. о динамическом подходе к словообразованию в Земская 1992). Регулярная многозначность м о д е л и р у е т с я как семантическая деривация — как переход более исходного значения в производное от него. В существующей лексикографической прак-

тике явно контекстные семантические сдвиги (meaning extensions или meaning shifts) представляются как многозначность. При динамическом подходе, напротив, любая многозначность должна быть представлена как результат семантического сдвига: такова модель.

По мере того как совершенствовались методы описания значения, многозначность давала о себе знать как все большая угроза: чуть ли не любое слово при ближайшем рассмотрении оказывалось неоднозначным, а у некоторых значения исчислялись десятками.

Носитель языка обычно не чувствует контекстно обусловленных сдвигов значения; регулярная многозначность — это, во многом, следствие несовершенства нашего способа представления смысла.

При динамическом подходе к семантике слова необходимо выявить контексты, релевантные для его значения, и проследить изменение исходного значения под влиянием контекста. Динамическое устройство словаря предполагает, что для производных значений указываются модели перехода, связывающие их с исходными. Динамический словарь дает не перечень, а систему — п а р а д и г м у — значений. Такие семантические переходы, взятые в своей совокупности, могут составить своего рода г р а м м а т и к у с л о в а р я, ср. Апресян 1967: 189—215.

Контекстные сдвиги значения никогда нельзя полностью отразить в словаре, в статическом виде: они постоянно происходят в тексте, и их можно описать только общими правилами. Н. В. Перцов (1996: 46) приводит фразу *Все мы вышли из гоголевской "Шинели"* как пример употребления слова *выйти*, которое не находит себе места даже в самых подробных перечнях значений этого слова. Этот пример можно развить. Дело в том, что знаменитая фраза неоднозначна. С. Г. Бочаров (1985: 169) пишет о "Бедных людях" Достоевского, имея в виду нарочитое подражание Гоголю — скорее всего, с целью отталкивания: "Новый писатель „выходит" из Гоголя ⟨…⟩ и в одном и в другом значении этой амбивалентной формулы". Ясно, что моделировать говорящего, который легко справляется с такими употреблениями слов, можно только при динамическом подходе к семантике. Норма на каждом шагу сталкивается с живым процессом новообразования (метафорическими, метонимическими и прочими переносами), при котором продолжают действовать те же механизмы, что и в узаконенных словарных значениях слова. Механизмы новообразования аналогичны для изысканнейших литературных текстов и обыденного сленга, см. Nunberg 1978: 163 (хотя и не тождественны, см. Розина 2002).

Динамический подход к значению — это путь к сохранению единства слова без ущерба для точности лексикографического описания отдельного значения. Установка делается не на инвариант, а на исходное значение. Можно говорить даже об определенной экономии: при динамическом подходе из толкования одного слова строится толкование другого. Между тем поиски инварианта возможны только тогда, когда все разные значения уже описаны.

Теоретически, описание моделей (т. е. правил) семантических переходов должно позволить порождать из исходного значения слова всю парадигму — тогда помещать в словарь можно было бы только корневую лексему, с указанием о наличии производных такого-то типа, — с тем чтобы толкования порождались правилами. Однако формальные правила преобразования толкования

исходного значения в толкование производного — это все-таки скорее теоретическая возможность, чем осуществимая реальность. Установление деривационных связей между лексемами парадигмы не означает отмены соответствующих словарных статей. Модели деривации нужны для систематизации словаря, для объяснения многообразия значений слова; иногда они приводят к увеличению числа лексем, а не к уменьшению. Впрочем, по отношению к окказиональным и маргинальным употреблениям возможность получать толкования с помощью своего рода грамматики лексикона представляется заманчивой.

В Langacker 1987 и в ряде других работ когнитивного направления предлагается путь к объединению значений, состоящий в том, что слову приписывается некая когнитивная структура, которая задает в каком-то смысле все значения сразу, но ни одного из реальных значений не описывает. Наш опыт показывает, что можно продвинуться достаточно далеко, не вводя этого дополнительного (надъязыкового, когнитивного, глубинного) уровня представления лексического значения: как правило, все регулярные дериваты можно исчислить преобразованиями одного из значений, принятого за исходное. Во всяком случае, идея исходного значения в большей мере соответствует нынешней лексикографической практике, а существование у слова или предложения когнитивной структуры, которая отражала бы не языковые, а какие-то другие способности человека, пока не доказано. Ср. о когнитивном подходе к языку в Кибрик 2003.

Наличие продуктивных моделей семантического перехода позволяет не скупиться на количество значений, различаемых у слова в словаре: можно допустить и такие лексемы, существование которых семантически предсказуемо и значение которых описывается общим правилом. Проблема проведения границы между значением и употреблением при этом сходит на нет. Все, что требует отдельного “лексического правила” (см. Dowty 1979: 360, Pinker 1989), может быть также содержанием отдельной словарной статьи.

Динамическая модель размывает границу между нормой и инновациями (которая — граница — доставляет столько хлопот составителям словарей). В этом смысле она моделирует говорящего, который в равной мере умеет интерпретировать речевые произведения обоих типов — и принадлежащие норме, и окказиональные.

Разумеется, не всякая многозначность регулярна; скажем, едва ли есть общий переход, связывающий два значения слова *засунуть*: ‘с трудом’ и ‘неизвестно куда’ (хотя связь между ‘неизвестно’ и ‘плохо’, конечно, есть); неясно, есть ли общее правило, связывающее *угодить* = ‘сделать приятное’ и *угодить* = ‘попасть в плохое положение / место’; или *заключить* в значении ‘лишить свободы’ и в значении ‘сделать вывод’. Такие соотношения остаются за пределами нашего рассмотрения.

Программа динамического (порождающего) словаря (generative lexicon) была провозглашена в Pustejovsky 1998. Надо, однако, иметь в виду, что преимущества, достигаемые за счет динамизма, существенно зависят от глубины и степени разработанности принятого способа представления смысла слова. Семантические формулы (толкования, декомпозиции), которыми мы пользуемся, опираются на многолетнюю словарную традицию московской семантической школы (прежде всего на труды И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна); на вдохновенные лексикологические изыскания Анны Вежбицкой. Чем лучше разра-

ботан аппарат представления значений, чем больше опыт у лексикографа, тем большим предсказательным потенциалом будет обладать толкование.

Подход к значению, развиваемый в данной книге, является динамическим не только в парадигматическом смысле (когда речь идет о "переходе" одного смысла в другой в пределах слова), но и в синтагматическом: композиция смыслов — соединение значения частей в значение целого — тоже имеет свою динамику.

Мы исходим из того, что описание смысла текста состоит из двух частей: словарь (лучше всего — лексическая база данных) и грамматика (сюда входит собственно грамматика и грамматика лексики — так сказать, лексическая база знаний, которая, в частности, содержит лексические правила, позволяющие получать из одних значений другие). В книге речь идет о словаре, т. е. о смыслах слов. И главное требование к словарю — чтобы он соответствовал запросам грамматики (например, если грамматика апеллирует к различию действий и состояний, то эти категории должны быть отражены в словаре). Но есть и другие.

Толкование лексемы — это своего рода структурная формула, наподобие структурной формулы в химии. Формула позволяет давать ответ на многообразные вопросы. Как слово будет реагировать на контекст? Какие семантические компоненты оно готово, под влиянием контекста, включить в свой состав? Какие собственные компоненты отбросить? Какими разными сторонами эта семантическая структура может "поворачиваться" к говорящим — так, что одни компоненты уходят в тень, а другие выступают на свет, актуализуются, попадают в фокус внимания? Как компоненты смысла разворачиваются во временную последовательность, в своего рода сценарий?

Динамическое устройство словаря предполагает инвентарь семантических дериваций. Инвентаризация нужна не только для синхронной, но и для диахронической семасиологии: в ходе исторического развития языка осуществляются, вообще говоря, те самые семантические переходы, которые мы наблюдаем в синхронии. Инвентарь семантических переходов — это насущная задача для семантической типологии (о возможностях использования инвентаря моделей семантической деривации в историческом языкознании см. Зализняк 2001).

Среди изменений научной парадигмы по сравнению с эпохой 70-х следует упомянуть возросшее внимание к соотношению языкового выражения с действительностью. Хомский в книге Chomsky 1977 еще продолжает считать главной задачей лингвистики описание соответствия между "звуком и значением языкового выражения" (см. об этом Van Valin, LaPolla 1997: 9). А тем временем в компетенцию лингвистики постепенно входит третья вершина треугольника Фреге — денотат; все чаще значение выступает не только как смысл по отношению к форме языкового выражения, но и, по Фреге, как концепт по отношению к внеязыковому объекту; входит в обиход понятие *концептуализация* ситуации (Wierzbicka 1996: 55) и термин *концептуальная* структура, который подчеркивает некоторую произвольность связи между действительностью и ее отражением в языке. По-видимому, эту произвольность надо считать определяющей для новой лингвистической парадигмы постхомскианского периода. Важный вклад в разработку этой проблематики вносят работы, посвященные языковой модели мира, см. Апресян 1995, т. II; Урысон

1995; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2003. Разные языки по-разному концептуализуют состояние страха, ощущение счастья и даже причинное отношение.

На заре лингвистической семантики кардинальную роль в ней играла синонимия. Через синонимию лингвистика пришла к понятию смысла: в 60-е годы смысл определялся — со ссылками на Пирса, Якобсона, Фреге, Куайна — как инвариант синонимических преобразований. Сейчас рабочая гипотеза лингвиста скорее состоит в том, что двух слов с одинаковым смыслом не существует: есть слова, близкие по смыслу. Работа с синонимами — это дань технике структурализма: "всегда полезно сопоставить друг с другом близкие по смыслу слова, чтобы заострить внимание на их различии", говорит Годдар (Goddard 1998: 150), приступая к анализу слов *order*, *tell*, *suggest*. Другой пример — значения 'счастлив' и 'доволен' английского слова *happy* (Wierzbicka 1992b): сопоставление обнаруживает, насколько *happy* "снижено" по сравнению с русским *счастливый*.

Впрочем, антонимы и квазиантонимы в этом отношении ничуть не хуже синонимов, ср. о *threaten* 'угрожать' и *warn* 'предупреждать' в той же книге Goddard 1998. Не менее полезно отражение слова в других его семантических и лексических дериватах; в переводных эквивалентах и проч. Так, завеса над смысловым различием между *откровенный* и *искренний* приподымается наличием глагола *разоткровенничаться* — и отсутствием аналогичного производного у слова *искренний* (см. об этом в статье Н. Работного, Знамя 2002, № 1). В этом смысле словарь синонимов под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна (НОСС) — гигантская лаборатория структурного семантического анализа: значение слова выявляется через его отражение в словах, близких по смыслу; словах, противоположных по смыслу; конверсивах, дериватах и т. д. Надо сознавать, однако, что семантическое расстояние между разными словами — даже между относительно близкими синонимами — обычно достаточно велико. Минимальные и п о в т о р я ю щ и е с я семантические соотношения бывают только между исходным значением слова и его семантическими дериватами.

Обратим внимание еще на одну характерную особенность нынешней научной парадигмы — это лексикографическая установка современного научного дискурса. Показательный пример — Предисловие Ю. Д. Апресяна к словарю синонимов (НОСС 1997), где лингвистическая концепция и общие лексикографические принципы, заложенные в словарь, излагаются тоже в виде словаря — на этот раз в виде словаря терминов. Словарь стал излюбленным жанром, ср. *М. Павич*. Хазарский словарь. СПб.: Азбука, 1999; *Г. Хазагеров*. Скифский словарь (Знамя. 1999. № 12); *М. Л. Гаспаров*. Записи и выписки. М.: НЛО, 2000, и мн. др. Создается впечатление, что в эпоху возрастания энтропии алфавит остается единственным залогом какого бы то ни было порядка. В этом смысле работа над словарем, из которой родилась эта книга, отвечает духу времени.

Задача описания многозначности и системного представления лексики возникла в ходе работы над системой "Лексикограф" — над компьютерной базой данных по семантике русского глагола, см. Кустова, Падучева и др. 1993; Кустова, Падучева 1994. Многие принципиальные идеи, возникшие в рамках проекта "Лексикограф", отражены в публикациях Кустова 1996, 1998a, 1999a, 2001, Розина 1998, 1999a, 2000 и др.

Концепция "Лексикографа" опирается прежде всего на фундаментальные труды Мельчук 1974, Апресян 1974, обосновавшие переход от толкования слова самого по себе к толкованию сентенциальной формы с переменными по актантам. Эти исследования фактически определили нынешнее направление русской и мировой лексикологии и лексикографии[1], см. обзор в Падучева 1975.

В новаторских работах Мельчук 1974 и Апресян 1974, однако, не отводилось сколько-нибудь существенного места традиционному аспекту словарных определений — таксономическому. Внимание к таксономии было привлечено в Wierzbicka 1980a и Dowty 1979, где была намечена связь между таксономической категорией слова и его форматом толкования. Таксономический бум произвела, конечно, книга Lakoff, Johnson 1980 "Metaphors We Live by", обратившая внимание лингвистов на тот (впрочем, известный, но) забытый факт, что категории играют важную роль в метафорических, а также и метонимических переносах — на которых стоит вся динамика лексической семантики; на то, что для словарного толкования важно родовое понятие — ср. genus proximum и differentia specifica аристотелевской логики. В результате этого таксономического переворота в лексическую семантику были инкорпорированы вендлеровские глагольные классы, которые до того имели хождение только в аспектологии.

Отметим положительные импульсы, идущие от когнитивной лингвистики. В основе динамического подхода к семантике лежит гипотеза о регулярности связей между значениями — как слова, так и любой другой языковой единицы. Поиски связей между значениями слова во многом стимулированы работой Janda 1985. Другая важная идея — сдвиг акцента (фокуса внимания) и противопоставление figure — ground (фигура — фон). Она носилась в воздухе, но радиация исходила, скорее всего, от Л. Талми, см. Talmy 2000 и ссылки на его же работы 70—80-х годов в библиографии.

Эта книга посвящена, в основном, глагольной лексике. Но некоторые аспекты разрабатываемого подхода к семантике лексики (например, сдвиг акцента в семантической парадигме слова) лучше демонстрируются на других частях речи — на именах, см. Экскурс 1, посвященный существительному *вина*; на наречиях, см. Экскурс 2 о *давно* и *долго*; на частицах, см. о *еще* и *уже* в связи с семантикой совершенного вида в гл. IV.4.

В книге четыре части. В части I обосновывается принцип системности в лексике и дается обзор параметров, характеризующих глагольную лексику в целом; они и обеспечивают системный подход к значению, поскольку могут быть положены в основу семантической парадигмы слова. В части II речь идет о метафоре и метонимии как основных механизмах семантической деривации. Часть III, центральная, посвящена глаголам различных тематических классов; каждый класс рассматривается с точки зрения свойственных ему деривационных возможностей. Часть IV касается взаимодействия лексической семантики с грамматикой.

* * *

Автор благодарит своих коллег по проекту "Лексикограф" — Г. И. Кустову, Е. В. Рахилину, Р. И. Розину, Т. Е. Янко, Н. М. Якубову, С. Ю. Семенову,

[1] Сопоставимы по влиятельности, пожалуй, только работы Ч. Филлмора, такие как Fillmore 1968a, 1971a, b.

О. Н. Ляшевскую, М. В. Филипенко, Е. Н. Хасину. Многие решения являются, в сущности, плодом наших совместных усилий. От Е. В. Рахилиной исходила изначальная убежденность в том, что формализация толкований — которой необходимо требует база данных — в принципе возможна. При ее участии формулировалась важная для "Лексикографа" установка на с х е м а т и ч е с к и е толкования, которые скорее делят слова на классы, в которых выражается их сходство, чем выявляют различия и неповторимую семантическую индивидуальность каждого слова в отдельности. Г. И. Кустовой принадлежит ряд принципиальных идей, позволивших осуществить форматирование толкования: ею составлена добрая половина словарных статей в исходном варианте глагольной базы данных. Е. Н. Хасина была для нас гораздо больше, чем программист. Ей мы обязаны тем, что наши лексемы обрели жизненное пространство, в котором нам стало приятно на них смотреть.

Моему учителю Вяч. Вс. Иванову я обязана принципиальной для данной работы идеей о том, что язык не обозначает объекты и ситуации реального мира, а, в каком-то смысле, их создает. Т. В. Булыгиной, безвременно ушедшей из нашего научного сообщества, я обязана незабываемыми часами, проведенными за обсуждением проблем, потом вошедших в эту книгу. Н. Д. Арутюновой все мы должны быть бесконечно благодарны за творческую атмосферу и "человеческий фактор" в нашей лингвистике, который не угасает благодаря ее конференциям, семинарам и личному присутствию. Я благодарю Барбару Парти за благожелательные — хочется сказать, щедрые — консультации, которые дали возможность погрузить привычную нам лингвистику в "международный" контекст; В. Б. Борщева за неутомимые дискуссии и дружескую помощь; Р. И. Розину, надежного соратника, за помощь и поддержку в трудные минуты сомнений в осуществимости программы "Лексикограф"; М. В. Филипенко, моего строгого и вдумчивого читателя; Ю. Д. Апресяна и его семинар за нелицеприятную критику, которая дала возможность исправить многие недочеты первоначальных версий.

Я благодарю всех тех, кто читал, в начальных вариантах, отдельные разделы этой книги, — И. М. Богуславского, Д. О. Добровольского, Л. Л. Иомдина, Анну Зализняк и А. А. Зализняка, А. Е. Кибрика, С. В. Кодзасова, С. А. Крылова, Н. В. Перцова, В. А. Плунгяна, Е. Н. Саввину, С. Ю. Семенову, А. С. Чехова, И. Б. Шатуновского, В. А. Успенского — за замечания, предложения, возражения и поправки; тех, кто участвовал в обсуждениях моих докладов в России и за рубежом, — Р. Бенаккио, Д. Вайса, Р. Лясковского, Ф. Лемана, В. Лефельдта, Х. Р. Мелига, Т. Ройтера, И. Мельчука, А. Тимберлейка, Х. Томмола, Ф. Фичи.

Я благодарю студентов, которые слушали мои лекции в МГУ и РГГУ, заставляя более тщательно обдумывать каждую мысль (а иногда и помогали в работе; в частности, А. Соловьевой я обязана картотекой глаголов с закадровым наблюдателем).

Я благодарна А. Барентсену и Л. Лённгрену, которые предоставили в мое распоряжение корпуса русских текстов в электронной форме. При подборе примеров к гл. III.1 и к § 3 гл. I.4 использовалась программа поиска, разработанная А. В. Санниковым.

Трудно переоценить тот вклад, который внесла в эту книгу Н. М. Якубова, мой постоянный, на протяжении почти года, советчик и собеседник, заинтересованный в том, чтобы книга дошла до конца. Я благодарю Е. А. Мишину и С. Ю. Семенову за подбор и проверку примеров; С. А. Крылова — за нелегкий труд приведения в порядок библиографии; О. Н. Ляшевскую — за предметный указатель; И. С. Пекунову за помощь в оформлении рисунков и таблиц.

Я благодарю Маргариту Норайровну Григорян — редактора, каких сейчас не бывает, — за душевное участие и колоссальный труд, вложенный в подготовку этой книги к печати.

* * *

Работа была выполнена при финансовой поддержке Международного фонда INTAS, грант INTAS-96-0085 “A formal description of the verb lexicon, semantic prediction of morpho-syntactic combinability and meaning shifts”; фонда National Science foundation, грант № BCS-9905748 “Интеграция лексической и композиционной семантики: генитивы в английском и русском”; Российского гуманитарного научного фонда, который поддерживал “Лексикограф” в течение многих лет: гранты № 95-06-17044 “Словарь как база данных”; № 97-04-06-358а “Грамматика сочетаемости”; № 99-04-0262а “Тематические классы и парадигмы регулярной многозначности русского глагола”; № 02-04-00294а “Таксономические классы актантов и парадигмы многозначности глагола”; и Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 01-06-80419 “Компьютерные подходы к выявлению системной организации в лексике”.

Часть I

ПАРАМЕТРЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Вступление
О системном подходе к семантике лексики

Задача системной организации лексики, возникающая из общих структуралистских предпосылок, была поставлена давно, но долгое время казалась безнадежной.

Начать с того, что лексическая система, если она есть, должна быть несопоставима с фонетической и грамматической системами языка в количественном плане: фонетическая и грамматическая системы функционируют на десятках, максимум — сотнях единиц; между тем лексическая система строится на гигантском массиве, состоящем из десятков и сотен тысяч единиц, к тому же слабо защищенных от социальных и прочих воздействий и потому подверженных резким и, на первый взгляд, несистемным изменениям.

Надежда на возможность представить лексику как систему становится реальностью в компьютерную эпоху (как стал разрешимым, например, целый ряд математических задач, требующих нечеловеческого перебора разных возможностей). Технология баз данных дает возможность выявить и эффективно использовать параметры, по которым многажды противопоставлены друг другу слова языка — равно как и разные значения одного и того же слова. И это несмотря на то, что и сами параметры и их значения исчисляются сотнями; что существенным всегда может оказаться не один параметр, а та или иная их комбинация; что релевантные параметры разные у разных классов; и т. д.

Слова как люди: ни одно не равно другому — ни по смыслу, ни по сочетаемости или каким-либо другим признакам. Однако, можно думать, эти индивидуальные различия складываются из параметров и значений параметров, повторяющихся на большом числе слов. Неповторяющиеся различия с большим трудом поддаются идентификации носителями языка и в некоторых — хотя, конечно, не во всех — отношениях пренебрежимы.

Сформулируем общие принципы предлагаемого системного подхода к семантике лексики.

Принцип 1. Слову должна быть сопоставлена “формула значения”, которая позволяет предсказывать или объяснять те или иные аспекты его непосредственно наблюдаемого поведения. Покажем на примерах, что имеется в виду.

• Сочетаемость с подчиненными словами — и с актантами, и с сирконстантами; почему, например, возможно *издалека звучит*, но не *издали мелькает*:

(1) а. Откуда-то *издалека* звучит колокол;
б. *Что-то *издали* мелькает, словно волк бежит (Словарь Даля).

• Сочетаемость с подчиняющими операторами — с отрицанием, модальными показателями и проч. Скажем, почему невозможно отрицание при *оказаться* в (2):

(2) *Оказалось*, что он женат.

• Сочетаемость с теми или иными грамматическими категориями, в частности: возможность употребления глагола в императиве (Булыгина, Шмелев 1997: 153); допустимость пассивной конструкции (ср. отсутствие пассива у *видеть*; у *обнаружить* в контексте *Он обнаружил признаки жизни* пассив невозможен: **Им обнаружены признаки жизни*, хотя в контексте *Химическое исследование обнаружило признаки яда* употребление пассива нормально: *Химическим исследованием обнаружены признаки яда*); наличие у глагола видовой пары и полнота парадигмы аспектуальных значений.

• Словообразовательный потенциал; почему от *наблюдать* образуется два отглагольных имени — *наблюдение* 1, процесс, и *наблюдение* 2, результат, а от *заметить* — только *замечание*; почему существительное *звон*, образованное от *звонить*, процесс, обозначает не процесс, а звук.

• Более тонкие аспекты сочетаемости: допустимость / недопустимость вводного употребления глагола (см. Зализняк, Падучева 1987); допустимость подчиненного косвенного вопроса — почему, например, возможно *знаю*, *зачем*, но не **сожалею*, *зачем* ⟨*я это сделал*⟩; допустимость перформативного употребления — оно возможно для *обещаю*, но не для *доказываю*; родительный субъекта при отрицании, ср. *сомнений не возникло*, но **сомнений не исчезло*; конативность как возможность употребления глагола в значении безуспешной попытки: почему возможно *решал*, *но не решил* и невозможно **обещал*, *но не пообещал*; фактивность как наличие у глагола фактивной презумпции; положительная и отрицательная импликативность — положительная, как у *осмелился*, *удалось*, *успел* (*удалось отправить* ⊃ ‘отправил’), и отрицательная, как у *забыл*, *избежал*, *опоздал*, *постеснялся* (*забыл отправить* ⊃ ‘не отправил’); применимость трансформаций разного рода (в Levin 1993 несколько десятков семантически релевантных классов глаголов выявлено на основе “альтернаций” — таких как декаузативация или опущение неспецифицированного объекта); почему, например, формально одно и то же преобразование в (3а) допустимо, а в (3б) — нет:

(3) а. Войны *истощили* казну — Казна *истощилась* от войн;
б. Брат *продал* дачу — *Дача *продалась* от брата.

• Место фразового ударения. Почему в предложении с глаголом *решить* место ударения можно варьировать, а *предпочесть* всегда безударно (знаки интонационной транскрипции ориентируются на Кодзасов, Кривнова 2001: 394):

(4) *решил*\, что делать_; *решил* ◡ уехать\.
(5) *предпочел* ◡ уехать\; ?*предпочел*\ уехать.

Почему неестественно (требует мощного контекста) главное фразовое ударение на *подозревать* в наст. времени и нормально в прош.:

(6) а. Я *подозреваю*/, что там есть проход\;
б. ?Я *подозреваю*\, что там есть проход_;
в. Я *подозревал*\, что там есть проход_.

На большую часть этих вопросов даются ответы в III и IV частях книги.

Один из аспектов наблюдаемого поведения слова — регулярная многозначность того или иного типа. Так, многозначность ‘находиться’ — ‘существовать’ (особенно в варианте ‘начать находиться’ — ‘начать существовать’, о многозначности этого типа см. Lyons 1968/1978: 413, Kimball 1973a, Levin, Rappaport

Hovav 1995: 120) свойственна глаголам *появиться* и *быть*. В (7а), (8а) глагол означает ‘начать находиться’, а в (7б), (8б) — ‘начать существовать’ (пример (7) из Lyons 1968/1978: 413):

(7) а. Через минуту кофе *будет* здесь = ‘начнет находиться’;
б. Кофе *будет* через минуту = ‘начнет существовать’.
(8) а. *Появился* Петя = ‘начал находиться’;
б. Теперь *появился* новый лекарственный препарат = ‘начал существовать’.

В каком-то смысле, все семантические дериваты слова заложены в его исходном значении. Так что деривационный потенциал — это характеристика слова, которая, в принципе, тоже составляет один из аспектов его языкового поведения.

Принцип 2. Большую часть сочетаемостных ограничений и других аспектов языкового поведения слова можно предсказать и объяснить, оперируя такими семантическими компонентами и параметрами значения, которые являются о б щ и м и у данного слова со многими другими.

Семантическая формула в системе “Лексикограф” включает толкование (представление) значения. Толкование выявляет в значении слова набор компонентов пропозициональной структуры, таких как «движение» (‘X движется’), «каузация» (‘P каузирует Q’), «знание», «восприятие» и под. Систематизация лексики достигается за счет семантических компонентов, которые повторяются в значении большого числа слов. Толкования не ставят задачей исчерпывающую экспликацию значения слова; это с х е м а т и ч е с к и е толкования; они призваны выявить сходства и различия между классами слов.

Формула фиксирует в значении слова ряд п а р а м е т р о в, общих для всех слов (того или иного типа). Параметрами глагольного значения являются таксономическая категория, тематический класс, диатеза, таксономический класс участника, см. ниже. Параметры задают парадигму значений слова.

Компоненты в составе толкования определенным образом структурированы. Например, в семантику глаголов *спрятать* и *скрыть* входят компоненты «восприятие» и «движение», которые, однако, занимают разное место в структуре целого.

Требования к толкованию слова (иначе — к словарному представлению слова, к экспликации лексического значения) в разных лингвистических концепциях разные. Мы исходим из того, что толкование не обязано (поскольку, скорее всего, и не может) быть исчерпывающим. Оно должно быть достаточным для того, чтобы объяснять наблюдаемые особенности языкового поведения слова — такие как корреляция между значением и глагольным видом; между значением и просодией; между значением и синтаксической сочетаемостью; между значением слова и его словообразовательным потенциалом. Толкование — это “структурная формула” значения, из которой выводимо многое, хотя и не обязательно всё. Наибольший интерес представляют те особенности поведения, которые касаются — больших или маленьких, — но классов слов.

Принцип 3. Слова, как правило, многозначны. Однако разные значения слова обычно связаны между собой, причем эти связи повторяются. Иначе говоря, многозначность, как правило, в той или иной степени регулярна. Следующий ход: регулярная многозначность может быть представлена как переход от одного значения к другому, т. е. как и з м е н е н и е значения. Найдя для каждого

нового значения соответствующий переход, мы можем объединить значения слова в связное дерево.

Можно объявить, что какой-то связи между двумя значениями данного слова соответствует семантический переход, как только аналогичная связь между значениями обнаружится в другом слове, ср. определение регулярной многозначности в Апресян 1974: 189. А поскольку всякая многозначность в какой-то степени регулярна, то обычно если есть два слова, связанные данным переходом, найдется и больше.

Итак, переход от одного значения к другому может мыслиться как способ представления мотивированности одного значения другим.

Чаще всего из двух значений многозначного слова одно естественно принять за исходное, а другое — за производное; тогда представление многозначности в виде изменения значения — это не только прием. Но бывает регулярная многозначность с неясным направлением перехода. Например, какое значение глагола *греметь* исходно в (9) — то, которое представлено примером (9а) или примером (9б)?

(9) а. Студенты *гремят* кружками; б. *Гремят* кружки.

Такое же неясное направление производности в примере (10): что исходно, возвратное употребление или невозвратное?

(10) а. *растворить*, *увеличить*, *радовать*;
б. *раствориться*, *увеличиться*, *радоваться*.

Или возьмем пример (11):

(11) а. На работе он *застал* только секретаря;
б. Елена на днях *застала* меня целующим руки у Зои! (Тург., МАС)

Вопрос: компонент ‘и это плохо для Х-а’ возникает под влиянием контекста в (11б) или, наоборот, утрачивается в (11а)?

Непростая аргументация требуется, чтобы понять, какое значение, волитивное или ментальное, является исходным у глагола *решить*, см. гл. III.5.

Принцип 4. Тот семантический компонент или параметр, который различает значения слова, может различать и разные слова. Так, в (12) таксономическая категория различает значения одного слова, а в (13) — разные слова:

(12) а. *косить* — деятельность (*Егерь косил глазом на соседа*);
б. *косить* — свойство (*Дуня косит на правый глаз*).
(13) *продавать* — деятельность, *торговать* — занятие.

Это и не удивительно: в семантическом плане семантическая и формально выраженная деривация не различаются (Апресян 1974: 188). Так, в русском языке *глядеть* и *выглядеть*, *нюхать* и *пахнуть* — это разные слова, а в английском — два значения слов *look* ‘смотреть’ и *smell* ‘пахнуть’. Как правило, однако, разные слова, даже близкие по смыслу, отличаются одно от другого сразу многими параметрами и компонентами; а разница между значениями одного слова может быть минимальной, т. е. сводимой к одному параметру.

* * *

Далее главы 1—4 части I посвящены параметрам лексического значения. Имеется четыре параметра, по которым значения глагола — его лексемы — могут отличаться друг от друга: 1) таксономическая категория, т. е. приблизительно —

аспектуальный класс по Вендлеру; 2) тематический класс глагола; 3) диатеза; 4) семантическая характеристика участников обозначаемой глаголом ситуации, прежде всего — таксономический класс и референциальный статус. В главе 5 речь идет об акцентном статусе компонентов толкования. Глава 6 ставит в общем виде проблему семантического взаимодействия слова с его контекстом.